

☉ Лондонская премия представляет писателя ☉

Дуйшонаны Султанкулов

ДЕТСТВО, живущее в душе

Дуйшодалы Итибаевич Султанкулов
Детство, живущее в душе
Серия «Лондонская премия
представляет писателя»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51340503

Детство, живущее в душе: сборник рассказов / Д. Султанкулов:

Интернациональный Союз писателей; Москва; 2020

ISBN 978-5-00153-211-8

Аннотация

Дорожная встреча становится для героя поводом рассказать о себе, вспомнить прошлое и окинуть взглядом свой жизненный путь.

Задушевные истории, то веселые, то печальные, несмотря на свою простоту, завладевают вниманием читателя, передают ему чувства рассказчика. Ведь это его сокровенные тайны, поведанные искренне и от всей души. Это судьба человека, а может быть, целого поколения, чья жизнь была не самой безмятежной, но все-таки ему самому видится счастливой.

Содержание

Агай[1], нас осталось всего восемнадцать...	8
Ызамат Бурая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дуйшонаны Султанкулов
Детство, живущее в душе
сборник рассказов

Дуйшоналы Итибаевич Султанкулов

Окончил педагогический институт, физико-математический факультет, отделение физики. Почти всю жизнь проработал в системе образования, начиная учителем физики средних школ, и на различных руководящих должностях в сфере образования. Затем продолжал работу в вузах старшим преподавателем общей физики, вел занятия в институте повышения квалификации учителей и одновременно занимался педагогической наукой. Печатал в местных газетах и журналах публицистические, социально-экономического характера статьи. В научных журналах Российской Федерации и Кыргызской Республики публиковались научно-методические статьи. На творчество Д. И. Султанкулова в какой-то степени повлияла педагогическая среда, частое общение с людьми, научно-педагогическая деятельность. В определенный момент он стал писать короткие художественные рассказы. Издал шесть сборников рассказов на кыргызском языке. Один из них издан на английском, русском и кыргызском языках. По одноименному рассказу «Красный петух» снят короткометражный художественный фильм и на международном конкурсе (2015 г.) в Лондоне занял третье место среди короткометражных художественных фильмов.

Член Национального союза писателей Кыргызской Республики, за вклад в развитие русской литературы награжден медалью имени АНТУАНА ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ, орденом и дипломом Кирилла и Мефодия, за вклад в продви-

жение ЭПОСА «МАНАС» награжден медалью имени великого МАНАСЧИ С. КАРАЛАЕВА, орденом «СПАСШИМ МИР», медалью за развитие государственного языка Кыргызской Республики и многими дипломами международных конкурсов писателей.

Агай¹, нас осталось всего восемнадцать...

Я на автовокзале. Приехал в село по незавершенным делам. Времена сменились, нет помощи от «отца-правительства», как прежде. Пришло то время, когда каждый ставит себе задачу и сам ее решает, лезет из кожи вон. Таким образом, нацепив семейный хомут на шею, сам и тащишь свою телегу. Ныне у каждого имеется своя задача. И ответственность также у каждого своя. Однако мы только начали понимать, что стоит выше помощи всех остальных. Я тоже среди этих людей, бегаю в жизненных заботах туда-сюда. Голова не на месте. В мыслях – обучить детей, достроить до осени дом, который начал строить в Бишкеке в этом году, – словом, сейчас пора множества проблем, давящих шею.

В надежде на такси подешевле прибывший из Бишкека ходил взад-вперед в ожидании. Ни о чем не подозревая, между тем заметил, что подросток невдалеке, нет-нет да и посматривая то в мою сторону, то себе под ноги, кончиком ступни ковырялся в земле.

Я, заговаривая с водителями каждого вновь прибывшего такси, спрашивал, когда они поедут назад и какова стоимость проезда. Не прошло и двух часов, как давешний мальчик,

¹ Агай – обращение к учителю.

закрыв глаза, побежал прямо в мою сторону. Я отодвинулся, освободив ему дорогу, и он пробежал мимо, но повернул обратно и на глазах у людей с разбега обнял меня, сорванец. Он плакал и говорил какие-то слова. Я если слышу одно слово, то второе не слышу или не понимаю. А ему нет дела, слышу ли я или не слышу. То, что у него накипело в душе, он вперемешку со словами и плачем навзрыд выплескивал наружу, несчастный ребенок. Нагнувшись вниз, я увидел своего ученика Джанибека, которого учил в седьмом классе.

– Ой, Джанибек, что такое с тобой? – спросил я.

От него нет ответа. Не сумев прийти в себя, он, временами икая, продолжал плакать. Мне было так неудобно перед людьми! Я, как смог, приласкал его, глядя его волосы. И, будто чувствуя мою давнюю вину, дрожали мои руки, глядящие его. И он тоже крепко схватил меня, как будто поймал вора и не собирался отпускать.

Спустя какое-то время он говорит:

– Агай, вам следует уехать после того, как мы закончим одиннадцатый класс.

Это было так, как будто мне на спину с грохотом упал камень. Я не смог вымолвить ни слова. На некоторое время тело с головы до ног покрыло дрожью, язык отнялся и потерял себя. Когда вспоминал о них с чувством одиночества, я также тосковал. Я, как бы собравшись с мыслями, спросил:

– В каком классе учишься, Джаки?

– В девятом.

– Вырос, возмужал, хотя с тех пор прошло всего лишь два года. Вижу, понимаешь многое...

Как бы я ни хотел скрыть историю прошлого от окружающих нас глаз, однако охрипший от волнения мой голос выдавал меня.

– Такова жизнь, сынок. Не осуждай, время рассудит, – мягко сказал я.

И в этот момент меня охватила тоска, затаившаяся во мне на долгое время. Я не смог скрыть свои слёзы. Затихли окружающие в ожидании развязки.

– Как учатся Сайра, Болот, Марс, Керим? – спросил я.

– Нет, агай. Керим, Сайра, Алмагуль, Мээрим переехали.

Слышали вроде, в Россию, Казахстан. Из тридцати двух учащихся в классе нас осталось всего восемнадцать. Остальные перевелись в другие города, села, школы. Некоторые совсем не учатся. Не обо всех знаю. Кто-то скучает по школе, иногда приходит. Но со временем мы стали чужими, просто знакомыми. Некоторые спрашивают о вас, придете ли вы. Многие из нас разлетелись кто куда. И школа не такая, какой вы ее знали. Кажется печальной, темной. И сейчас, если помотришь, выглядит сиротливо. Потеряла свой вид, совсем другой стала. Вы в Бишкеке получаете хорошую зарплату? Мы слышали, что работаете в магазине с турками вместе. Когда вы тайком уехали, не сказав нам ничего, ребята посчитали вас плохим человеком. Сначала мы подумали, что вы заболели. Сколько раз ходили к вашему дому! А однажды

открыла дверь женщина высокого роста и прогнала нас. Она сказала: «Нет вашего агая здесь. Уехал в Бишкек, больше не ходите сюда! А если что потеряется в доме, то буду вас обвинять!» После этого мы перестали ходить к вашему дому. А когда по праздникам собирали деньги для поздравления учителей, то и вам подписывали открытку в надежде отдать её при встрече. Кажется, эти открытки до сих пор у Айнуры. Может, сейчас принести их вам, агай? – сказал Джанибек.

– Не сегодня, в другой раз, – ответил я.

– Я же хочу, чтобы и другие ребята увидели вас.

– Сынок, дорога дальняя, нужно ехать. Ты думаешь, мне хорошо? Ведь и меня душат жизненные проблемы, Джаки. Скоро придет зима. А дом еще не закончен. Остальное сам поймешь.

– Тогда переезжайте сюда обратно.

– Об этом тоже думал. Но пока мне лучше быть там, есть много других обстоятельств. Об этом, возможно, расскажу, когда приеду в следующий раз. Джанибек, пойдем сядем вон на ту скамейку, у меня нога онемела, – сказал я, уводя его подальше от посторонних глаз.

Таксисты и ожидающие пассажиры, не отрываясь, с презрением смотрели на нас. Быть может, они принимали меня за подлеца, бросившего жену и детей.

Мы вдвоём стали снова вспоминать наши школьные дни. Прошли обиды. Наслаждались воспоминанием о наших уроках, о тех сладостных днях, где осталась частичка нашей ду-

ши. «Джаки рано лишился отца. Его отец погиб при автоаварии», – как-то говорила мне его мама. Мальчику нужен отец. Особенно они нуждаются в отцовской ласке. Какое счастье для мальчика – рассказать отцу о самом сокровенном, отвести душу! Словом, я его понимал, ведь все мы были когда-то детьми. К тому же Джанибек сам по себе был очень ранимым, любящим задушевную беседу мальчиком. Он быстро сближался с людьми – такова была его природа.

Было уже больше пяти часов. Поздняя осень. Быстро темнеет. В это время, как только небо затягивается тучами, на перевале Суусамыре идёт снег. Нельзя оставаться. В такое время один день решает судьбу целого года. Как это ему сказать?! Джанибек говорил безостановочно. Я начал беспокойно посматривать на часы. К моему счастью, парень в черной кепке объявил:

– Дешевое такси!

Мы не успели поговорить обо всем. Только Джанибек говорил не переставая и не давая мне возможности что-то сказать. Осталось много недосказанного. Обнялись на прощание. По взгляду Джанибека было понятно, что он остался неудовлетворённым нашей встречей. Хотелось дать ему денег, но у меня их самому еле хватало.

– Ладно, – говорю я, – приеду еще, передай привет ребятам.

Он молча резко повернулся и побежал, отдаляясь от меня. Он не смог пожелать мне удачной дороги, может, оттого, что

не смог простить меня. Всю вину Джанибек переложил на меня.

Я остался стоять на месте как вкопанный, весь в раздумьях, как мне оправдаться перед ним при следующей встрече. С позиции ребят они правы, а у меня своя правда, жизненная. Кто нас рассудит? Разве нужно мне оправдываться? Быть может, моя вина в том, что я уехал, не объяснив своё положение? Да, именно так. «Ты – человек в зрелом возрасте, еще и учитель, и, несмотря на всё это, получается, продал человеческие отношения», – говорила моя совесть. Моя вина и моё раскаяние мучили с двух сторон, не давая долгое время покоя моей душе. Согласен. Нет иного выхода, приходится согласиться. Да, время само сделает свои выводы. Но, как говорится у русских, обиды пройдут, однако рубцы останутся».

– Ай, байке, я вас жду вообще-то, вы намерены уехать сегодня? – с неприязнью подал голос таксист.

– Да, вот сейчас, – ответил я.

Пока я пришел в себя, прошло время. А таксисту это невдомек.

– Вы садитесь спереди. Эже и сестренки пусть сядут сзади. Для беседы в пути лучше, когда мужчина рядом, что на это скажете? – повернувшись назад, обратился таксист к женщинам. Одна из них съязвила:

– Раз машина ваша, значит, и воля ваша, что нам остаётся делать.

Другая женщина посмотрела на меня и сказала:

– Если бы не его возраст, сидеть бы ему на заднем месте, такому человеку там и место.

Я из вежливости ответил:

– Ой, сестренка, ради бога, садись вперёд, пожалуйста.

– Не-е, байке, сидите сами, если таксист не хочет, как я могу сидеть рядом с ним. Теперь уже не сяду, – будто бы обидевшись, сказала она. – К вам обиды нет, байке. Нам лишь бы живыми и здоровыми добраться. Сидите, не беспокойтесь.

И взглядом указала на переднее сиденье.

– Сестренка, прости, я всего лишь хотел, чтобы мужчины в пути веселили вас, рассказывая анекдоты, – оправдывался таксист.

Я расположился спереди.

– И-и, байке, теперь начните разговор, путь длинный, сократим его рассказами о жизни, – сказал он.

Я его понял. Через некоторое время он спросил:

– А тот мальчик – кто он? Почти два часа разговаривали безостановочно. Байке, судьба ведь она сложная, расскажите, интересна ведь история постороннего человека, может, это для кого-то сказка, которая имеет воспитательный смысл; может, это послужит уроком таким, как мы. – Этим он как бы дал начало разговору.

– Ладно, ладно, расскажу. В этом нет никакого секрета. Ты давай, заливай бензин, а пока ты заправляешься, я познакомлюсь с эже и сестренками. А затем, когда мы подъедем к

ущелью, я начну свой сказ. Что вы скажете на это?

Все согласились и поддержали меня, кивая головой. Ведь интересно же слушать сокровенные тайны чужого человека, особенно женщинам!

Дорога была отличной.

Пока то да се, как говорится, глазом моргнуть не успели, мы въехали уже в ущелье. – Ну давай, байке, начинай, – с нетерпением сказал таксист. Видать, он большой любитель слушать. К тому же и обстоятельства сложились так: слушая интересные рассказы пассажиров, пристрастился к разговору. Быть может, действительно, привык сокращать длинную дорогу интересной историей ...

– Тот мальчик – мой бывший ученик. Учил я его до седьмого класса.

Таксист, перебив меня, сказал:

– Да бросьте, байке, я считаю его вашим сыном от первой жены.

– О-о, нет же, боже упаси, совсем не так. Зачем мне с вами шутить?

– Раз мальчик, обняв вас, плакал, мы, конечно, подумали, что здесь что-то кроется... И-и, боже мой, вот интересно, тогда, байке, продолжайте дальше.

– Я их обучал два года. Как я учил, знают только один Бог и они. Секрет моего обучения в том, что я учил их от всей души, мы стали единой семьёй, отношения наши сложились как у отца с детьми. Через силу влияния преподава-

емого мной предмета мы, объединившись, боролись за достижение цели коренных вопросов философии обучения и воспитания. Урок начинался с разбора названия темы предстоящего урока. Постепенно углубляя их мировоззрение, с учетом их возрастных особенностей, через стремление к образованию и науке мы старались достичь смысла его в обществе и бытие. Мы рассуждали, в какой степени необходима эта тема в жизни человека. Обсуждали ее необходимость в обществе, *в изображении* физического мира, влияние на общественное сознание и на развитие научно-технической революции. Мы всё шире и глубже вникали в своеобразный мир знаний. Только сейчас я понял, что в действительности лишил их будущего. Грубо говоря, я оказался тем скрягой, который показал, где находится румяное яблоко, но не дал им и не позволил вкусить его. Бедные дети, последовав за мной, вышли на простор, и после того, как я убежал, они потерялись на том просторе, заблудились на полпути. Я, сам того не зная, принес им неподъемное несчастье. Вот и вся история, девчата.

Все мы словно онемели, ехали молча, глядя через стекло на ели ущелья, казалось, каждый анализировал про себя эту историю. Вы тоже попробуйте подумать. Что должен был сделать я? Сам я по сей день не могу найти ответа и не знаю, как оправдываться. Простите вашего агая, который стал рабом бытия. Мои ученики с чистой душой, со сладкими мечтами, без плохих мыслей, желаю вам достичь своих целей...

Бабушка моя – ласковая, любезная и серьёзная женщина. Её зовут Шербет. Имя соответствует её характеру. И у моей матери были такие же качества, они, скорее всего, перешли к ней от бабушки. Родом бабушка была из Таласа, я слышал, из Бакаира. Она из племени китай.

Была ранняя весна. Бабушка повела нас с Рахманом в Тамды. Это узкое место при въезде в Чичкан, так сказать, горловина ущелья. Наверное, от него и осталось название «Горловина дома». Вероятно, ущелье воспринимали как дом, а въезд в него был как вход в этот дом.

Между селом Арал, где мы жили, и местностью Тамды расстояние было приблизительно пять-шесть километров. Бедная бабушка до самой весны каждый раз всё указывала рукой в сторону Тамды.

– Вон, видите, у подножья горы виднеются макушки тополей? Там, в излучине лога, живёт с семьёй ваш старший дядя Сыдык, мой родной брат, – говорила она, когда мы поднимались на высокий берег. Всякий раз, когда она приезжала к нам, всё настойчивей устремляла взгляд туда, потому что наш дом стоял наверху. Отсюда, с высоты, было видно всю округу: на западе до Кайрака, на юге до старого райцентра и на востоке до Мин-Добе.

Однажды я слышал, как бабушка ласково говорила Рахману:

– Если рано наступит весна и мы благополучно переживём зиму, я вас отведу к своим родичам.

Мы вышли ближе к полудню. В тот день было тепло. Все зеленело, кругом были рассыпаны мелкие жёлтые цветочки, только недавно раскрывшие свои бутоны. По логом и ложбинам, словно радуясь весеннему утру, звонко струилась талая вода. Мы ступали прямо по воде, а когда бабушка поворачивалась к нам, начинали прыгать по кочкам. Ноги наши промокли.

К полудню мы дошли до Гудюра. Некоторые сейчас его называют ещё Кодуран-Добе.

– Расскажу-ка я вам кратко о том человеке, садитесь, – велела нам бабушка. – Старое название этого холма Гудюр, а старец Кодуран, проезжая мимо, всегда присаживался отдохнуть здесь. Бывало, проводил здесь собрания. Поэтому и называется двояко этот холм. Кодуран был одним из первых юристов, свободно говоривших на русском языке. Говорят, он и в Верховном суде работал. Здесь он одним из первых построил двухэтажный дом с побелкой. Подпорки и столбы были обмазаны дёгтем, видать, чтобы не сгнили. Это здание он по собственной инициативе, еще до сороковых годов, передал начальной школе. Таких заботливых людей обычно называют народными, дети мои.

– Я тоже впервые научился писать в этой самой школе, – часто говорил учитель, ныне почётный пенсионер Асыранкулов Асанбек. – Я сам был свидетелем. Настенные полки первого этажа были заполнены книгами. Поэтому Кодурана можно было бы почитать и как одного из первых просвети-

телей в Кетмень-Тюбинской долине. В пятидесятые годы начальную школу перевели в Бала-Чичкан, а дом остался без присмотра, и мы там играли в прятки. До сих пор помню.

Мы также остановились отдохнуть на холме Гудюр. Сели на камни, на которые указала бабушка. Сама тоже села на один из камней и из бурдюка отпила глоток джармы. Когда она протянула мне кружку, Рахман вдруг выхватил её из моих рук, проливая напиток себе на грудь, отпил немного и выбросил кружку в сторону. Посуда вся была в грязи. Рахман, будучи сыном именитого работника колхоза, привык, чтобы его все гладили по голове и любезничали с ним. Да и бабушка вначале пестовала его, видать, знала его нрав. Тот и привык делать всё, что захочет.

Когда наконец я тоже выпил джарму, бабушка подняла нас с места, отряхнула пыль и стала утешать:

– Вон в том доме попьёте чаю, поедите яиц, в общем, наедитесь досыта. Не чужие там люди живут: он дедушка Рахмана и твой дядя, Куйтике. Потерпите немного.

А потом принялась нас подбадривать:

– Ну-ка, давайте маршировать наперегонки, как это делают солдаты. Отдохнём там и затем к вечеру и до дяди Сыдыка доберёмся...

Куйтике с виду казался суровым: глаза голубые, колючие усы, мохнатые брови. С первого взгляда он выглядел совсем страшным. Жители Арала пугали своих детей: «Вон Куйтике идёт». Детей охватывал ужас: младшие, вроде нас, тотчас

переставали плакать, более старшие убежали в другой конец улицы через кукурузное поле или прятались на крыше дома. От имени Куйтике у Рахмана душа уходила в пятки. А мы с бабушкой каждый раз останавливались у него, когда проезжали в летовье или зимовку. Мне он ничего плохого не сделал. Наоборот, баловал меня. Но про него страшные вещи рассказывали. Состояние Рахмана передалось мне, хотя дядя Куйтике ни разу нам не показал чего-либо устрашающего, я начал испытывать некую тревогу.

Глаза его жены были голубые-голубые. Если бы не веснушки, то она была бы красивой. Она была хлебосольной и услужливой женщиной. Несмотря на то, что тётя – татарка по национальности, по-кыргызски шпарила только так. Бабушка сразу заметила, как мы испуганно отступили назад.

– Господи, не бойтесь! Один из вас внук, другой – племянник, он обрадуется, увидев вас. Он грозен только для непослушных и невоспитанных детей. Не беспокойтесь, дети мои, – успокоила она нас.

Мы притихли и от страха шли молча. Наконец мы дошли до дома. Во дворе было полно кур. На лай собак вышел дядя Куйтике, увидел бабушку и на радостях стал расспрашивать о её здоровье, об односельчанах и родственниках.

– О, мои дети, племянники пришли! – воскликнул он и поцеловал нас в щёки. Усы его были жёсткие и колючие. Из рта несло табаком. Я попытался увернуться, а он в ответ улыбается:

– Ты только посмотри на него! – говорит он. – Не бойся, я не трогаю воспитанных, как вы, детей. Вот если бы вы были как Токтор, Тилеш или Кудайберген, сын Саты, тогда другое дело...

Дядя разочарованно ухмыльнулся, вздёрнув усы вверх.

– Да заведи же наконец детей в дом, – поторопила тётя Камила. – Видишь, замёрзли они. Я подброшу в огонь ...

И она побежала за дом. Как и говорила бабушка, мы пили чай с рафинадом, ели свежеприготовленные боорсоки² и яичницу. У них сахар был размером с булыжник. Они и нам в карманы положили. Тётя Камила почему-то всё лебезила перед бабушкой, всё старалась угодить ей, чувствовала себя неловко, будто в чём-то провинилась.

Многие говорили, что тётя Камила хорошая женщина, но только Бог обделил её материнством. Я сам слышал, как однажды моя мать жаловалась отцу, что дядя Куйтике на старости лет остаётся без потомства. Как говорят, *меч из сплава бывает остер*, так и эта жена-татарка, думал я, если бы она родила дяде сына, тот, наверное, был бы яркой личностью. Я уже тогда заметил, как они любят друг друга и какие нежные чувства друг к другу питают. Когда бабушка вышла из комнаты, дядя Куйтике прямо при нас стал заигрывать с тётей, то протягивая ей пиалу, то снова убирая руку. Они, наверное, считали нас несмышлеными детьми.

Тем не менее они прожили совместную жизнь бездетны-

² Боорсок – разновидность традиционной кыргызской выпечки.

ми. Вероятно, между ними была ещё какая-то неведомая сила, которая поддерживала их. Позже, когда соплеменники из Арала не давали дяде покоя, уговаривая его развестись с Камиллой, они уехали работать в старый райцентр. Летом дядя Куйтике много разъезжал по горам, по долам, нанявшись конюхом к геологам. Бедная тётушка туда тоже иногда пешком наведывалась, чтобы встретиться с ним.

Стало вечереть, и дядя вручил всем нам троим по тросточке и отправил нас, пока не стемнело. Трости, наверное, нужны были для того, чтобы отгонять собак. Я всё время озирался. Дядя и тётя почему-то стояли растерянные, молча провожали нас взглядом, пока мы не исчезли из виду. В пути бабушка нам рассказывала о том, как в годы её юности здесь прямо днём бегали лисы и зайцы, она интересно и образно повествовала, как они прятались в прибрежных зарослях, когда на них спускали псов. В первую же порошу собиралось несколько всадников, криком и гамом выгоняли лис из-под кустов и таким образом проводили свободное время. Иногда им удавалось поймать лису, иногда нет, продолжала рассказывать бабушка, чтобы скоротать путь.

– А зачем ловили лис? – спрашивал Рахман.

– Как зачем? Чтобы развлечься, ведь зимой нечем заняться. Некоторые из их шкур шили себе шапку или шубу.

– А как же их детёныши?

– Эх, дети мои! То же бессердечные люди, куда им думать, что лисята останутся сиротами. Они ведь только о сегодняш-

нем пропитании привыкли думать, – горестно вздохнула бабушка. – Если бы они, как ты, думали о других, сейчас бы мы смотрели на лис, гонялись бы за зайцами. Дети мои, поторопитесь, уже темнеет.

Бедная бабушка всё поторапливала нас, подбадривала. Обычно молчавшая, сегодня она почему-то стала разговорчивей. Снова и снова останавливались, ноги побаливали, мы замёрзли и устали.

– Из Таласа в Кетмень-Тюбе первую швейную машину привёз ваш дядя Сыдык. Он сам шьёт одежду на той машине. Когда дойдём, я покажу его вам, – рассказывала бабушка в пути. – Кстати, и картошку привёз ваш дядя. Как только прибудем, я попрошу сварить нам картошку. Я попрошу его дочерей сшить вам рубашки. Поторапливайтесь, вон уже виден дом. – И она показала пальцем вперёд, где горел свет. – Я устала, да и вы устали. К тому же я не могу поднять вас обоих. С прошлого года у меня болит спина. Вы тоже когда-нибудь состаритесь, дети мои, вот тогда поймёте, – оправдывалась бабушка.

Вот и дымом запахло да лай собак послышался. Слава Богу, мы кое-как добрались живыми и здоровыми. Если не считать, что продрогли и слегка утомились, то мы и не заметили бы, как добрались в село. Правда, не могли шелохнуться и ноги все промокли.

– Может, на обратном пути ваш дядя одолжит нам коня, – пожалев нас, утешила бабушка. – Одного из вас усажу спе-

реди, а другого сзади, вот и доберёмся обратно домой.

Она при этом посмотрела на меня, как бы упрекая за то, что мой отец не снабдил нас лошадью. Мне до сих пор становится стыдно за своего отца, когда вспомню тот день.

Бабушка развязала свой маленький мешочек, в нём было немного топлёного масла, три куска сахара величиной с кулак и несколько курутов.

Оказывается, дядя Куйтике со своей женой завернули в платочек и нашу долю сахара, укладывая их в узелок. Бабушка бросила быстрый взгляд на нас.

– Дети вашего дяди тоже ждут гостинцев. – Она как бы объяснила нам, что нужно поделиться и с другими.

Вот мы и пришли. Или же те знали, или попросту вышли на лай собак, но все девочки тотчас бросились к нам навстречу с радостным возгласом: «Тётя пришла!» Бедная бабушка едва поспевала обнять и поцеловать девочек одну за другой. И дядя, и остальные мужчины и женщины тоже бросились приветствовать нас. Трое молодых мужчин оказались сыновьями дяди: Нургазак, Исак и Исхак. Все они, как и дядя, были как на подбор, стройными и рослыми.

– Э-э, да они уже возмужали! В руках у них трости! – воскликнул дядя Сыдык. – Видать, если бы вам на пути попались звери и птицы, то вы прикончили бы их. Да-а, им крупно повезло, что не попались вам в руки. Бог, наверное, сжалился и спас их от неминуемой смерти.

Не знаю, то ли они шутили так, то ли говорили всерьёз.

– Почему с детьми – и так поздно вышла? Дала бы знать, я отправил бы к тебе человека с лошадьми, – запричитал дядя.

А его дочери поочерёдно брали нас на руки, целовали и расспрашивали, как мы добрались.

– Ой, посмотрите, какие ноги мокрые! – горестно воскликнула старшая дочь.

– Земля сырая, вот и промокли. А что же вы думали? – отвечал ей дядя. – Оба шалуны, вот и промочили ноги. Пришла бы, когда всё зазеленеет, станет тепло, – полушёпотом говорил он бабушке.

Бабушка ничего не ответила. Дядя обратился к своим дочерям:

– Скорее заведите детей домой. Снимите обувь и усадите их у печки. Почистите одежду и высушите их...

Мы оказались в тёплой комнате. Все окружили бабушку, расспрашивали о том, о сём, долго беседовали. По мере того, как становилось сумрачно, помнится, у меня слёзы навёртывались на глаза, и хотелось снова вернуться в Арал. И Рахман всё поглядывает на меня, а у самого тоже глаза блестят...

Ызамат Бурая

Детвора обычно днём собирала горлец, дикий чеснок, а когда спускались сумерки, резвилась вместе с взрослыми, играя в прятки и ак чолмок³. Играя в прятки лунной ночью, юноши и девушки всегда находили себе надёжное укрытие. Когда же луна скрывалась за тучами, мы и вовсе не могли их найти. Иногда, не зная, где искать, малышня опускала руки и ждала следующего появления луны. А её и в помине нет. Луна исчезает, весёлый щебет вместе с эхом растворяется в глубине горной ложбины, и всё вокруг погружается в короткую тишину. То теряясь на короткое время среди туч, то вновь мерцая в чёрном небе, луна словно вздумала тоже играть вместе с нами в прятки.

В самый разгар игры, если вздумаешь в кромешной тьме приблизиться ко взрослым, те с громким криком выскакивают из-под кустов и распугивают всю детвору. Вот и держись как можно дальше от тех мест, чтобы не испугаться. Не знаю почему, но всё больше прятались взрослые, а малышня же почти всегда искала.

Время от времени, уже к середине или к концу игры, кратковременный летний дождь окатывал нас крупными каплями. И когда малышня рассыпалась по домам в разные сторо-

³ Ночная (в лунные ночи) игра, состоящая в забрасывании и отыскивании белой двадцатисантиметровой палочки.

ны, взрослые один за другим кричали нам вслед: «Куда же вы? Пойдите, не торопитесь, ведь это только проходящий дождь, сейчас он прекратится!» Кто догонял, тот уговаривал нас, чтобы мы поиграли ещё немного.

Лишь посреди ночи, когда сильно уставали, мы просились домой, чтобы, словно птенчики, поскорее обрести свой уют. Если уйдёшь без спроса, на другой день тебя уже не возьмут играть.

Во время игры в ак чолмок взрослые стремглав уносились далеко от нас. Хотя мы тоже изо всех сил старались их нагнать в надежде на победу, но куда нам до них. Много было их: Муса, сын Калыбая, Бейшен, сын Исы, Улугбек, Сагын, Алимжан, сын Чиркея и ещё много-много ребят.

Но главное – не об этом. Я хочу рассказать вам об одном важном событии, произошедшем в те годы в ущелье Чаар.

В последнее время я почему-то не видел своего отца целых три-четыре дня подряд. Я вроде бы слышал о том, что наша бурая корова Ызамат исчезла на пастбище, поговаривали даже, что её кто-то украл. Услышав эту печальную весть, я тоже помалкивал, не зная точно, что произошло.

За два дня до этого Бурая Ызамат не вернулась с пастбища. Помнится, мать моя ещё сердилась и всё время приговаривала:

– Отец твой пошёл посмотреть среди коров на сносках, но и там её нет, как будто и вовсе не бывала. Отец всё время сокрушался: «Уж не человеческих ли рук это дело и кто

этот негодяй, совершивший подобную пакость?» Он никак не мог найти себе места, пытаясь каким-то образом обнаружить бедную корову. Он клялся, что обязательно найдёт её, если только не разделались с ней с помощью ножа, а если найдёт виновных, то не миновать им наказания, уж он-то разделается с ними, так и знай. Оседлал он Чабдара и ускакал куда-то, – бедная матушка, это она, оказывается, так изливала душу, не зная, как пережить потерю и наблюдая за телёнком Бурой Ызамат, всё время мычавшем и искавшим маму. – Так что, сынок, прав ли был твой отец или подозревал кого-то, а может, просто был сердит или не хотел тебя огорчать, но он наскоро собрался в дорогу и умчался неизвестно куда. Прямо, будто воевать собрался, он был так решителен, словно готов убить преступника.

Телёнок в последнее время ничего не ел, и у него живот ввалился; глаза его гноились, и он, вытянув шею, всё время засыпал в тени кустов таволги. А как он жалобно мычал с утра до вечера, заставляя содрогнуться всю округу!

– Сегодня или завтра он должен вернуться, – неизвестно (к) кому обращалась мать, то ли ко мне, то ли к телёнку, а может, просто бубнила про себя.

Возможно, она говорила это мне или успокаивала себя – не знаю. Я проснулся рано утром и заметил, что висевшая у входа плётка отца исчезла. Затем от различных рассеянных мыслей я не мог дальше спать и встал с постели.

Я налил в ведро молока и направился к телёнку. Оказа-

лось, ни один телёнок еще не встал с места. Телёнок же Бурой Ызамат, кажется, уже давно на ногах: он, будто жалуясь, начал своё привычное мычание, подняв мордочку к солнцу. Надеюсь на то, что сытым он перестанет мычать, я поставил перед ним ведро с молоком. Он лишь попробовал чуть-чуть и, озираясь по сторонам, стал снова беспрерывно мычать. Он уже охрип от мычания.

Почему-то вспомнилось, что Бурая Ызамат была крупной, где-то на полметра выше остальных коров, и её можно было заметить уже издалека. Вид её был ладный, выражение глаз спокойное, бедняга, казалось, должна была принести в наш дом сытость и благополучие. Она всегда шла покачиваясь. При виде человека она тотчас останавливалась, приноживалась и шла дальше. Это было, так сказать, её приветствие.

Вымя её было на целую пядь. Мать рассказывала, что корова давала целое ведро молока. Она также говорила, что все пастухи восхищались её внешностью. Может, это и оказало плохую услугу.

Эту корову пас старик Ызамат, выхаживавший скотину на сносях, и после того, как та разродилась, передал моему отцу уже как дойную.

И уже через неделю дед Ызамат пришёл, чтобы рассказать о повадках коровы.

– Эй, Итике, передаю тебе эту корову, – предупреждал чудак-человек. – Внимательно стереги её от всяких хищников, особенно остерегайся завистливых глаз людей...

«Он тогда будто предчувствовал», – всхлипывала мать, всё время поглядывая на косогор, откуда должен был вернуться отец.

Как обычно, ранним утром послышались голоса женщин, ссорящихся из-за очереди на сепаратор. Моя мать тоже пошла в ту сторону. Я всегда просыпался от криков женщин или гудения сепаратора и затем снова засыпал. А сегодня никак не мог заснуть.

То ущелье, где мы жили летом, называется Чаар. В народе говорят, что когда-то здесь водились тигры. С одной стороны, эти слухи кажутся правдоподобными, потому что внизу ущелья очень много зарослей камыша. Чаар находится прямо у выхода из ущелья Чичкан в Кетмень-Тюбе, с обратной стороны дороги Бишкек-Ош. Там сейчас стоит метеостанция, её отчётливо видно издалека. Именно этот узкий каньон, с двух сторон охватывающий три-четыре домика посреди ветвистых деревьев, и называется Чаар. Те, кто едет по дороге Бишкек-Ош, могут заметить его с правой стороны. Те же, кто направляется из Оша в Бишкек, обратят внимание на него слева у въезда в ущелье Чичкан. Мы всегда летовали в самой середине ущелья Чаар, в местности Абыш. И наш случай происходил там. Мы и в тот год проводили лето в этом месте. Летовье Абыш тоже, кажется, имело собственную историю своего названия, но я об этом ничего не помню. Но одно событие всё-таки запомнилось. Младший сын счетовода (учётчика) фермы Чиркея родился здесь, и его на-

звали Абыш. Да упокоится его душа, его сейчас нет в живых. Слишком рано ушёл он в мир иной.

Стоит мне обернуться назад, в своё прошлое, как я отчётливо вижу ущелье таким, каким оно было в пятидесятые годы прошлого века. В сравнении с прошлыми годами, устье в нижней части склона покрылось реденькими кустами золотарника, густо опоясалось курчавками, не давая размножаться остальным травам. К чему бы это? Не знаю. А вид горы всё тот же.

Ущелье же само словно распростёрло свои объятия и замерло, не веря собственным глазам и от радости не зная, что сказать; весь его вид будто так и говорит: «Милые мои, вы ли это? Пришли полюбоваться и вспомнить свои былые годы? Живы ли, здоровы ли вы?» Ущелье грустит, словно прячет в себе множество тайн, радуется, будто растеряло некогда своих детей и вновь обнаружило их после многих лет расставаний. Может, оно вспоминает свои сиротливые дни? В общем, оно молчаливо и величественно озирает всё вокруг. Его сердце полно ожиданий и тоски...

Словно готовая напоить всю долину и село, всё ещё мчит свои воды илистая река. Песчинки в воде, подобно желтому металлу, сверкают мелкими кусочками. Мы считали их золотом и забавлялись, собирая их...

Что только не всплывает в памяти! А ведь всё это вспомнилось из-за Бурой Ызамат, всколыхнув в моей памяти осколки собственной юности. В какое-то мгновение карти-

ны моей прошлой жизни пробежали, как кадры кинофильма, и заставили меня крепко задуматься о них. Конечно же, достойно сожаления, когда воспоминания твои в груди, а сами детские годы безвозвратно умчались куда-то в неизвестность... Некоторые явления природы повторяются, но ушедшее детство не возвращается назад. Невозможно скрыть то, что я был полон разных рассеянных дум, вглядываясь в это наше ущелье. Всё-таки время бежит слишком стремительно. Ладно, продолжу дальше свой рассказ о Бурой Ызамат.

В один из дней, опираясь о посох и медленно двигаясь по косогору, вддали показался мой отец. Истощал совсем и, как говорится в сказках, сам вроде здоров, но лошадь его худющая, как щепка. Первым к нему добежал я.

Вид хмурый, лицо бледное, щёки втянуты. Человеку, видевшего ранее моего отца, он показался бы слишком худым. Нет прежнего розовощекого человека, каким был мой отец. Он смотрелся даже отвратительно.

Он обнял меня, но у него, видимо, не хватило сил меня поднять, поэтому он наклонился ко мне, прижал к своей груди и повёл за руку домой. Женщины столпились, а счетовод фермы Чиркей радостно побежал к моему отцу. Отец обнял его крепко, будто только что вернулся с войны. Чиркей мне двоюродный брат, он сын старшей сестры моей матери. Отец с Чиркеем долго молчали, наконец второй через некоторое время промолвил:

– Ну как? Есть у тебя хорошие новости?

– Нет. Я дошёл до Кара-Кунгея, до Беш-Таша, обошёл весь Джети-Суу, расспрашивал, никто не видел. Когда конь обессилел, я, боясь, что он издохнет так понапрасну, зарезал его и раздал мясо жителям Мазар-Суу с условием, что в следующий мой приезд они отдадут мне деньги. Вот и возвращаюсь с самого Кушчу-Суу по предгорьям.

– Не волнуйся, – успокоил его Чиркей. – Как только ты ушёл, все члены фермы решили, что будем расплачиваться вместе.

– Нет-нет. Чике, спасибо за поддержку, но я найду Буюру Бзамат. Её никто не зарежет, позарились, наверное, на её внешний вид, на дойность, вот и увели её, чтобы присвоить, – возражал отец словам Чиркея.

– Ладно, тогда отдохни неделю. Может, подумаешь не спеша.

– Хорошо.

Хотя отцу это и не нравилось, женщины с мужьями приходили проведать его, как будто он вернулся из Гиссарского лихолетья.

Как только люди разошлись по домам, отец выпил большую чашу варенца, разбавленного толокном, и как только голова его коснулась подушки, стал потихоньку похрапывать.

Через несколько дней отец, умоляя, выпросил у Чиркея коня, занял одну сторону перемётной сумы небольшим бурдюком кислого отцеженного молока и толокном, вторую –

хлебом, небольшим количеством вяленого мяса, масла, получил благословение соседей и с неискоренимой надеждой пустился в путь на поиски коровы. Перед тем как отпустить узды лошади, он обратился ко мне:

– Сынок, помогай матери, не спи до обеда, на этот раз я вернусь быстрее. Посмотрю среди живности Кара-Жыгача, Сортового, Шевченко, Маркса. Найду – хорошо, а на нет и суда нет. В конце концов, вернусь ведь. Да и конь чужой, не дай бог околеет он, – добавил он в конце.

Я слушал его прямо как взрослый. Может, потому что он, бедный, объяснял всё в подробностях, до мельчайших деталей. Наконец он натянул поводья.

– Ну, теперь ты уж не маленький, – повторил он. – Человек мужает в трудности, начинает мыслить трезво. Мне пора, смотри за хозяйством...

На сей раз он не ущипнул меня за нос, не поцеловал в щёки, даже не попрощался и уехал. Мне показалось, он расплакался бы, если подошёл бы ко мне близко и обнял. Отец всегда был сердобольный. Я остался стоять как истукан. Отец с матерью, обсуждая что-то, вместе уходили к косогору. Вдруг отец наклонился к матери и, обхватив её за шею, то ли поцеловал её, то ли что-то прошептал ей на ухо. Затем он резко отпустил мать и, погнав коня изо всех сил по склону горы, исчез из виду.

Не только я, но и все доярки хмуρο уставились вдаль и провожали его взглядом. Солнце уже поднялось высоко, мо-

локо было процежено. Двигатель машины тоже давно умолк. Не слышно ни мычания коров, ни блеяния овец. Вся скотина удалилась далеко к пастбищу. В ущелье тишь да благодать.

Обычно не очень заметные веснушки отчётливо проступили на бледном челе матери и сделали её некрасивой. Войдя в дом, она улеглась на бок, глядя в сторону кухни, и, прикрыв веки, притворилась спящей. Я и сам понял, что она ни с кем не хочет разговаривать. Я не стал её ни о чём расспрашивать, а сидел молча. Услышав шорох и шёпот за дверью, я выглянул и увидел трёх женщин, направлявшихся к нам. Стыдливо глядя на землю, я тихо прошептал им, что мать уснула, и с полпути отправил их восвояси. Женщины тоже не посмели войти, повернулись назад и молча пошли обратно. Их лица тоже были мрачны и хмуры, как осеннее небо. Видно, это событие на них тоже произвело тягостное впечатление.

На меня была возложена большая ответственность, и я почувствовал себя значительным, держась так же важно, как это делали взрослые люди, то есть меньше говорил, выполнял любую работу, не ожидая чьего-либо распоряжения. Мать моя иногда смотрела на меня удивлённо, видимо, полагая, что я слишком рано повзрослел. Я вставал наравне с нею, после того, как она подоит коров, выгонял их на верхнее пастбище, а телят оставлял ниже, у входа в ущелье Чаар, затем, как делали взрослые, укладывался на бок и долго глядел в ту сторону, куда ушёл отец. После этого я собирал

связку из спиреи и золотарника, растущего под зарослями, чтобы вскипятить молоко, вечером помогал подоить коров и таким образом завершал всю свою работу. И так повторялось изо дня в день. Таковы были все мои обязанности.

Через несколько дней, после полудня, в самом конце косо-гора показалась голова Бурой Ызамат, ущелье огласилось радостным криком счастливых односельчан. В последние дни, наверное, все мысли людей были заняты лишь Бурой Ызамат. Казалось, всё село жило только заботами о несчастной корове.

К тому же Бурая Ызамат три раза останавливалась на месте и громко мычала, заставляя всё ущелье огласиться радостным воплем. Телёнок же бедной коровы пытался бежать вверх напрямик, то путаясь в растущих на склоне кустах курчавки, то падая на землю, споткнувшись о высокий караганник, то снова замедляя ход и впившись взглядом в свою мать. Увидев всё это, Бурая Ызамат тоже тотчас бросилась напрямиком вниз. Я видел, как замершая в волнении толпа женщин и детей, затаив дыхание, напряжённо смотрела на несчастную скотину и её телёнка, переживая, как бы те не сорвались с отвесного склона. Телёнок, не выдержав, слегка замычал, стал вилять хвостиком, затем впился в вымя своей матери и замер надолго, не в силах сдвинуться с места. Бурая Ызамат мордой приподняла хвостик своего телёнка и начала обнюхивать его. Мой отец соскочил с лошади и надолго замер, молча любуясь счастливой встречей матери и ребёнка. Бурая

Ызамат выглядела не так, как прежде: она совсем исхудала, и на её бедрах торчали подвздошные кости. Глядя на корову, люди, казалось, изо всех сил проклинали скотокрада.

Хотя я и не был рядом с отцом, но я чувствовал, что и он, и телёнок, и Бурая Ызамат были на вершине счастья. Никто не стал останавливать Бурую Ызамат. Наверное, никто не смел даже нарушить радость их встречи, этот великий покой, наполненный нежностью... Телёнок Бурой Ызамат всё время кружился вокруг матери, то подпрыгивая вперёд, то снова отскакивая в сторону. Если присмотреться издалека, казалось, что Бурая Ызамат всё время резко останавливалась и начинала обнюхивать со всех сторон родное дитя...

В то время, когда Бурая Ызамат только потерялась, произошёл несчастный случай. Однажды сборщик масла проехал по нашему склону на завод, нагрузив на Кашка-Бука, лысого бугая, четыре фляги топлёного масла. Или именно здесь суждено ему было умереть, или что-нибудь ещё, но после проливного ливня обрыв обвалился и бугай, сорвавшись вниз, сломал себе ноги. Я слышал, как взрослые говорили меж собой, что животное больше не жилец и его надо зарезать. Кроме того, я ещё запомнил одну весть, которая заставила всё моё тело содрогнуться от ужаса. Тогда мы все стояли в скорбном молчании, опустив глаза, будто наступил конец света.

На Кашка-Буке перевозили не только топлёное масло, но и домашний скарб, дрова и воду. Разве только назывался он

бугаём, а так служил как вол. Когда не хватало транспорта, мы садились на него верхом впятером или вшестером. Сколько помню, этот бугай никогда не резвился на воле и не знал радости жизни. Все пользовались его покорностью. Может, оттого, что был в возрасте, он всегда ступал степенно, был смиренный и спокойный. У него даже не было привычки бегать за всякой вздорной коровой. Бедняжка, он всё своё время проводил рядом с Бурой Ызамат и не отходил от неё ни на шаг. Или с возрастом все становятся такими. Они были такими неразлучными, словно добрые старые друзья. Оба такие резвые и весёлые, отрицательных черт у них не было, и оба были похожи на вежливых и учтивых людей. Кстати, даже лысина на лбу телёнка Бурой Ызамат была вылитая как у Кашка-Бука⁴

⁴ Имя быка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.